

УДК 003(342.571)

«СИЛЬНАЯ РУКА» - СЛАБЫЙ НАРОД? ИСТОРИЧЕСКИЙ И СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ В РОССИИ

**УХОВ
АРТЕМ
ЕВГЕНЬЕВИЧ**

*кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодская государственная молочнохозяйственная
академия им. Н. В. Верещагина,
Вологда, Российская Федерация, uae893@yandex.ru*

**КОВРОВ
ЭДУАРД
ЛЕОНИДОВИЧ**

*кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодская государственная молочнохозяйственная
академия им. Н. В. Верещагина,
Вологда, Российская Федерация, edkovrov@rambler.ru*

**МОРОЗОВ
РОМАН
ВЛАДИМИРОВИЧ**

*адвокат,
Ассоциация адвокатов,
Калининград, Российская Федерация,
mir-vologda@yandex.ru*

Ключевые слова:

семиотика
государственная власть
демократия
«сильная рука»
конституционализм
традиции

Аннотация:

Статья посвящена популярному сегодня концепту «сильной руки» как необходимости для управления в России. В качестве методологии использованы семиотический подход, призванный расшифровать идеологический код данного концепта. При помощи историко-сравнительного и ретроспективного методов, в соответствии с двумя альтернативами развития России, выделяются два десигната понятия «сильная рука»: авторитарно-монархическое управление и демократически-вечное. Для второго устанавливаются элементарные денотаты и опровергаются попытки лишить российскую модель государственности традиционных демократических начал, попытки подмены данных понятий понятиями авторитарно-монархического ряда. В соответствии с политическими идеологиями (демократия, коммунизм, социализм, абсолютизм) анализируются различные подходы к понятию «сильной руки», вскрываются элементы его денотата, осуществляется корреляция вариантов последнего с нормами современного российского законодательства. Делается вывод, что элементарными денотатами понятия «сильной руки» могли бы стать истинные традиции российских конституционализма и демократии, имеющие и некоторые исторические корни, что обеспечивало бы понимание этого концепта не как концентрации власти у одной личности, а, напротив, как перераспределение властных полномочий на места, правовой баланс, ответственность власти перед обществом.

Получена: 25 ноября 2023 года

Опубликована: 25 декабря 2023 года

Проект «сильной руки» как никогда актуален в свете остро стоящей для российского общества и государства альтернативы развития. Однако при решении этого вопроса возникает распространенная в современной политике ошибка *ignoratio elenchi* – подмена тезиса, когда хотят доказать утверждение, относящееся к другому денотату. Получается, мы говорим об одном и том же значении, однако имеем в виду диаметрально противоположный смысл.

В связи с известным и популярным у современной российской власти концептом «сильной руки» следует прояснить ее десигнат (значение), ее денотаты (то есть конкретные компоненты) и, как побочный продукт, перспективы приложения этого к российской действительности.

Анализ в историческом аспекте политико-правовых режимов Древней Руси показывает наличие двух основных путей развития: авторитарно-монархического и демократически-вечевого. В современной политологической мысли эти направления примерно соответствуют консервативному и либеральному течениям. Соответственно, концепция «сильной руки» чаще всего ассоциируется с первым из течений, предполагающим некую сильную личность вроде Наполеона (бонапартизм). Однако, как нам представляется, это понятие также в полной мере может ассоциироваться и со вторым направлением. Отсюда мы имеем два возможных несовместимых десигната (класса объектов) для концепта «сильной руки». Вопрос теперь в определении денотатов (конкретных примеров) этого концепта, что дало бы возможность наиболее точно определить его знак.

Исследователи отмечают, что после подавления последних очагов вечевой демократии Новгорода и Пскова (конец XV – начало XVI веков) в России «пыталась утвердиться автократическая форма управления», а «собственно демократических традиций, выражающихся в широком самоуправлении, в России долгое время не было» [3: 59]. Этим и можно объяснить специфику отношения современной федеральной (централизованной, вертикализованной) власти к местному самоуправлению, «равно как и восприятие этого института в российском обществе» [3: 59]. Однако так ли это на самом деле, действительно ли Россия не имеет достаточного базиса демократической государственности?

Идея «сильной руки» в авторитарно-монархическом смысле критикуется как историческая фикция А. А. Вовиным, который утверждает, что в средневековом городе Пскове в его развитии до момента завоевания его Московским государством (в 1510 году) в XIV–XV веках «горизонтальные политические связи внутри этого города преобладали над вертикальными», что ставило его развитие в один ряд со становлением городского синоикизма (от греч. *συνοικισμός*, объединение нескольких первичных общин в общем городском центре), который «практиковали западноевропейские общины на ранней стадии их развития (XI–XII века)» [18]. Это означает, во-первых, что «русское средневековье повторило в некоторых важных чертах то, что имело место в Западной Европе», и что это никак не связано с рецепцией «западных ценностей», «не за счет заимствования политических институтов (как это имело место во многих восточноевропейских странах), а независимо из-за сходных условий, возникающих, хотя и с двухвековой задержкой» [18]. Таким образом, протодемократии Новгорода и Пскова исторически эволюционировали по пути общечеловеческой цивилизации в сторону наиболее гармоничного и естественного (опора на естественные права) государственного устройства. С этим согласуются не только идеи российской правовой мысли XIX века (Н. М. Коркунов, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, Н. И. Лазаревский и др.), но и западноевропейской: А. Токвиль, Й. Шумпетер, У. Ростоу, М. Олсон, Р. Даль, У. А. Нисканен и др. полагали, что расширение участия народных масс в политической жизни позволяет в наибольшей степени воплощать в действительность «общечеловеческие либеральные ценности» [13: 620] уважение личности и демократические права и свободы. Тем более, что последние, будучи ключевыми в идеалах западного либерализма и Просвещения, официально обозначены как «традиционные российские духовно-нравственные ценности» [12].

Концепция «сильной руки» закона, который отождествлялся с правом, когда «правое есть ни что иное, как предписание закона» исчерпывая содержание последнего, как отмечает Н. М. Коркунов, «получило особенное распространение в современной германской литературе», было привнесено в российскую науку, «привыкшую издавна следовать примеру немцев» [4: 3], а также является «требованием положительного метода» [4: 4], то есть позитивизмом. С другой стороны, Коркунов предостерегает от «идеалистического» понимания права как неких абсолютных принципов, «вечного, неизменного права, основанного не на воле людей, а на природе права» [4: 8]. В таком случае наше понимание права представляет собой некоторый относительный принцип. Оба эти подхода

противоречат данным современной науки, а, кроме того, являются самопротиворечивыми: «система научного знания, как система посредственных достоверностей, основана на тех же посредственно-достоверных фактах сознания» [4: 11], не выходит за пределы последнего. Коркунов предлагает иную формулировку права как «взаимное психическое воздействие людей, основанное на сознании возможности, обусловленной какой-либо признанной ими идеей» [4: 14], В данном определении нет и намека на какие-либо вертикали власти и «сильной руки». Вместе с тем в нем же обозначен фундаментальный принцип общественного контроля, который и обеспечивает все могущество правовой регуляции.

По мнению авторов сборника «Конституционное государство», ведущих ученых-правоведов начала XX века, путь России в правовом смысле не является каким-то «особым», поскольку, «по научной схеме, основанной на опыте всех цивилизованных стран, на смену абсолютному государству идет государство правовое, охраняемое конституционным строем» [11: II].

Однако так исторически сложилось, что Россия пошла не по «научному» пути, одной из первых стран испытав на себе идею социализма. Идеи социализма все больше набирают силу в современном мире. Социализм основан на модели оптимального распределения общественных благ и цены на эти блага. Но кто будет решать, как и какова цена этих благ? Парадокс заключается в том, что в отсутствие «невидимой руки» рынка (а социализм в вопросе распределения богатств прямо противоположен принципам А. Смита), без «сильной руки» (авторитарной власти) сделать это невозможно. Попытки избежать этого кончались плачевно. Однако, как считает Е. Ясин, из теоретико-игрового подхода в математике следует, что «Привлечение внешних арбитров, действующих помимо институтов гражданского общества, допустимо, но нежелательно, ибо чревато авторитаризмом, возвышением государства над обществом», что влечет за собой «ослабление механизмов саморегулирования» [14: 37]. Напротив, устойчивая система только тогда сохраняет стабильность, когда в ней предусмотрены механизмы саморегуляции и (для социальных систем) самоуправления. В этом смысле теорема невозможности К. Эрроу [15], утверждающая, что «несколько чрезвычайно естественных и желаемых условий, которые очевидно могли бы быть удовлетворены любой процедурой определения общего благосостояния или демократически наиболее предпочитаемой альтернативой, не могут быть удовлетворены одновременно – чем-то придется пожертвовать» [17, XV], не вполне применима к политическим процессам. Демократия – это умение договариваться, и согласие как результат переговоров здесь необязательно. Отсюда противоречия между социализмом и демократией, впервые продемонстрированные воплощением идеалов Ж.-Ж. Руссо во времена французской революции. Стремление к равенству за счет прав и свобод граждан привело тогда к жесточайшему якобинскому террору. В этом смысле в истории человечества не было альтернативы демократии как способу свободного и устраивающего большинство способу общественного бытия. Противоположность демократии – это авторитаризм, диктатура, олигархия, которые дают правителям возможности неограниченной и бесконтрольной власти в своих интересах (в том числе для захвата и удержания последней).

В демократической системе существуют «встроенные механизмы регулирования, основанные на политической конкуренции и создающие тягу к равновесию» [14: 37]. Поэтому все остальные формы осуществления власти: коммунизм, социализм, абсолютизм – лишены последних. Например, социализм не приемлет диалога – ему необходимо всесторонне подчинение идее равенства, а значит, необходимо предполагает авторитаризм. Коммунизм в лице его главных идеологов, К. Маркса и В. Ленина, прямо заявляет о своей авторитарности, приверженности идеям насилия и принуждения, а не договора и согласия: «...Насилие, – писал Ф. Энгельс, – является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы» [6: 189]. То же самое говорит Ленин о некоей новой «работающей», «социалистической», «пролетарской» демократии: «Надо смотреть вперед к рождающейся новой демократии, которая уже перестает быть демократией, ибо демократия есть господство народа, а сам вооруженный народ не может над собой господствовать».

Слово демократия не только научно неверно в применении к коммунистической партии. Оно теперь, после марта 1917 года, есть шора, одеваемая на глаза революционному народу и мешающая ему свободно, смело, самочинно строить новое: Советы рабочих, крестьянских и всяких иных депутатов, как единственную власть в “государстве”, как предвестник “отмирания” всякого государства»[5: 398].

Сходное истолкование концепта «сильной руки» имеет и консерватизм (что в России представлено, главным образом, абсолютизмом-самодержавием): по мнению Р. Пайпса, поскольку ни

политическая свобода, ни демократия в смысле прав человека не составляли в XIX веке предмета общего интереса для широких слоев российского общества, в совокупности с отсутствием доверия друг к другу, в этом случае «естественно рассчитывать на то, что власть защитит их друг от друга, и поэтому возлагать на нее неограниченные полномочия, отказываясь от свободы взамен на безопасность» [10: 232]. Однако в итоге такая слабость российского общества «неизбежно вела к усилению авторитаризма и утверждению автократических принципов» [10: 232]. Интересно, что последняя черта общественной психологии сближает консерватизм с социализмом, но – не с либерализмом, что, казалось бы, обрекает Россию все время следовать по пути авторитарно-монархическому, а не демократически-вечевому. Однако это опровергается самим ходом исторического процесса, который, по-видимому, имеет свои закономерности, и российское государство не может сильно отклоняться от пути, намеченного историей. Чтобы понять это, необходимо вспомнить, к чему привели попытки насаждения такой односторонней авторитарно-монархической интерпретации исследуемого понятия. Три российских революции (1905–1922 годов), так или иначе, были прямо направлены против этой антидемократической идеи концентрации власти в одних руках.

Попыткам навязать идею необходимости «сильной руки» в форме монархии или диктатуры в России как ее «национальную традицию», на наш взгляд, следует противопоставить реальные исторические факты, указывающие на противоречия самой авторитарно мыслимой идеи «сильной руки». Если и существует тот «свой» путь для России, то он уж точно заключается не в возврате к тем ценностям и нормам, которые были однажды дискредитированы самим ходом истории. Если обращаться к собственным национальным традициям, и возвращать подлинное понимание концепта «сильной руки», которое отвечает лучшим международным практикам построения государства, то начинать нужно с переосмысления опыта вечевого демократии XII–XVII веков, позволившей Новгороду оказаться богатейшей республикой Древней Руси. Стержневой идеей вечевого демократии является местное самоуправление, формируемое на демократических принципах и отвечающее непосредственным интересам населения, связанное с населением крепкими общественными и правовыми отношениями. Последнее является механизмом противостояния попыткам узурпирования и злоупотребления властью, что в наибольшей мере нашло свое проявление во времена земских реформ Александра II.

Демократически-вечевого смысл «сильной руки» также может быть воспринят из опыта реформ 12-летнего периода российского парламентаризма в первой четверти XX века, периода Временного правительства (с выборами в Учредительное собрание). Уже вполне историческими (а потому могущими претендовать на статус традиционных) могут считаться перестройка 1985–1991 годов, «гайдаровские» реформы 1990-х. Так или иначе, Россия уже прошла немалый путь либерально-демократического реформирования, которое вывело ее из кризиса советского тоталитарного режима и поставило на рельсы развития большинства преуспевающих современных демократических государств.

В перспективе концепция «сильной руки» применима и к демократическим политическим режимам, однако это потребует переосмысления и переориентации своего денотата, то есть смысла самого концепта как соотносимого с другими концептами своего ряда. Одним из свидетельств этому являются и социологические исследования, показывающие, что, несмотря на действительно высокую популярность среди россиян (особенно с низким уровнем образования) мифологемы «сильной руки», «как только современным россиянам предлагаются альтернативы «сильной руке», востребованность последней заметно снижается» [1: 104]. К тому же выводу приходят и некоторые зарубежные исследователи: «Главный вывод заключается в том, что, хотя россияне и различаются между собой, их лучше всего понимать не как автократов, а как людей, в целом поддерживающих особую форму демократии, которую социологи назвали “делегативной демократией”» [16]. Такая переходная форма в странах Латинской Америки и Восточной Европы, одной из которых является и Россия, является своего рода компромиссом между авторитарно-монархическим и демократически-вечевым путем развития России: делегативная демократия знаменует собой «пассивность исполнительной власти в укреплении судебного права, малочисленность эффективных и автономных институтов», что вместе «возлагает на президента бремя непосильной ответственности» [9]. Складывается ситуация, которая ставит главные институты власти в крайне нестабильное положение и может привести к их падению (как это было, например, в 1917 году с самодержавием в России). Соответственно, для такой формы необходимо такое же транзитивное понятие «сильной руки» с некоторым промежуточным значением, более адекватно передающим политические реалии. Представляется, что такой альтернативой является иная интерпретация самого концепта «сильной руки», переориентация его с персонифицированного варианта (например, «президент») на персонифицированный (например, выраженный в понятии «гражданское общество»).

Исходя из методологии семиотики, заложенной Ч. С. Пирсом и Ч. У. Моррисом [8], для построения модели «сильной руки» в контексте либеральной модели необходимо составить набор денотатов, который ссылался бы на десигнат и способствовал бы определению знака данного понятия. В данном случае денотатами могли бы выступать элементы демократии – общепризнанного образца и традиционной формы большинства развитых государств мира (при этом за образец не берется обязательно демократия западного типа). Также необходимо добавить в эту модель традиционные национальные черты, поскольку большинство государств мира являются национальными. Примерами такого символического набора могли бы выступать рассмотренные нами наиболее общие понятия-признаки демократии, т. е. «свобода», «политическая конкуренция», «общественный договор», «равенство», «правовое государство», «разделение властей», «демократические права и свободы» [13] и т. д. Следуя нашей схеме, необходимо вычленив те денотаты, которые наиболее соответствуют либеральному смыслу понятия «сильной руки», а также имеющие исторически обусловленные корни. В итоге у нас может получиться следующее: «плюрализм», «народовластие», «свободные выборы», «референдум», «сменяемость власти», «демократический контроль», «народное вече», «митинг», «забастовка» и т. п., ведущее к совершенно иному пониманию «сильной руки» не как авторитарной модели управления, а как подлинно демократическому механизму, основанному на наиболее полной реализации принципов народовластия.

Нетрудно заметить, что в современном российском политическом дискурсе практически нет понятий из этого ряда. Напротив, идет целенаправленная подмена их противоположными понятиями: вместо «гражданского общества» – «правитель (президент)» и т. п., «плюрализм» – «единство», «народовластие» и «федерализм» – «вертикаль власти», «сменяемость» – «назначаемость», «демократический контроль» – «авторитарный контроль», «права человека» – «государственная безопасность», «местное самоуправление» – «государственная власть» и т. п. Это грозит ликвидацией субъектов демократического контроля российского общества: ограничением деятельности некоммерческих организаций, ужесточением административного контроля за СМИ, централизацией местного самоуправления «сверху», а не служит выстраиванию общества? путем горизонтальных связей «снизу» и т. п.

Таким образом, проведенный историко-философский и семиотический анализ понятия «сильной руки» позволяет осознать его относительный характер, невозможность толкования его лишь в рамках узкого партийного понимания. Эта невозможность продиктована существованием конституционных принципов, которые провозглашают отсутствие в России любых «государственных» и «обязательных» идеологий (ст. 13 Конституции РФ), а значит – невозможность трактовки данной концепции в консервативном контексте как обязательной или государственной.

Только такой, демократически-вечевой аспект понимания, на наш взгляд, позволит избежать неясности и двусмысленности в термине «сильная рука» по отношению к государственной власти, что при противоречиях идеологической политики может грозить перерасти в «мнимый конституционализм» [7]. Напротив, концепция «сильной руки» в контексте принципов конституционализма (о чем писали, например, В. С. Нерсисянц и В. Д. Зорькин [2]), то есть соответствующая демократически-вечевому аспекту, может интерпретироваться как власть гражданского общества. Именно это и будет отвечать принципам действительного конституционализма. Представляется, что при возможностях современных систем Интернет сегодня не представляет сложности довести свое мнение до вершин государственной власти, обеспечивая непрерывную эффективную обратную связь, демонстрирующую действие «сильной руки» не только сверху вниз, но и снизу вверх, создавая тем самым демократически ответственное правительство. В этом и состоит, на наш взгляд, объективный смысл концепта «сильной руки», учитывающий традиции российского конституционализма и демократизма, понимаемого не как концентрация власти у одной личности или группы лиц, а, напротив, как перераспределение властных полномочий на места, что обеспечивало бы правовой баланс, подлинно пристальный и жесткий контроль местного населения над властью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земцов А.О. «Сильная рука»: авторитарность в политической культуре современных россиян // Полития. – 2019. – № 4 (95). – С.87-110. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-87-110
2. Зорькин В.Д. Справедливость – императив цивилизации права // Вопросы философии. – 2019. – №1. – С.5-14.

3. Ковров Э.Л. Кукушкин В.Л., Ухов А.Е. Местное самоуправление в России как основа демократии: системный подход // Управление пространственным развитием территорий: глобальные тренды и региональные приоритеты: Материалы научно-практической конференции, Вологда, 20 декабря 2018 года. – Вологда: Вологодский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2019. – С.55-66.
4. Коркунов Н.М. Энциклопедия права. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1883. – 464с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958-1965. Т. 30: июль 1916–февраль 1917.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 20. – М.: Политиздат, 1955.
7. Медушевский А.Н. Русский бонапартизм как предмет сравнительного изучения // Труды Института российской истории. Вып. 4 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Наука, 2004. – С. 118-181.
8. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Антология / сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2007. – С.45-97.
9. О`Доннелл Г. Делегативная демократия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/dem/odonnell.php>
10. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. – М.: Новое издательство, 2008. – 250с.
11. Предисловие к 1-му изданию // Конституционное государство: Сборник статей / ред: И.В. Гессен, А.И. Каминк. – 2-е изд. – СПб.: Тип. т-ва "Обществ. польза", 1905. – С.I-VII.
12. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей". Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/
13. Шамшуринов В.И. Демократия // Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Степин. – Т.1. – М: Мысль, 2010. – С.619-620.
14. Ясин Е. Приживется ли демократия в России. – М.: Новое издательство, 2005. – 384с.
15. Arrow K. Social Choice and Individual values. Cowles Commission Monograph. – New York: John Wiley, 1951. 124p.
16. Hale, Henry E. "The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63, No. 8. P.1357-75. DOI: 10.1080/09668136.2011.601106
17. Nozick R. The nature of rationality. – New Jersey: Princeton University Press, 1993. 242p. DOI: 10.2307/2219666
18. Vovin A.A. Veche and the terms "All Pskov" and "Pskov Men": The Russian Medieval City Assembly as a Communal Structure // *Mesto a Dejiny*. – 2021. – Vol. 9, No. 2. – P. 6-28. – DOI 10.33542/CAH2020-2-01.

REFERENCES

1. Zemtsov, A.O. (2019), "Strong Hand": Authoritarianism In The Political Culture Of Modern Russians. *Politeia*. 2022. № 3 (106). P. 87-110 (DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-87-110) (In Russ.)
2. Zor'kin, V.D. Justice – Imperative of the Civilisation of Law. *Voprosy filosofii*. 2019. №1. P.5-14 (In Russ.)
3. Kovrov, E.L., Kukushkin, V.L., Ukhov, A.E. Local self-government in Russia as the basis of democracy: a systemic approach. Management of spatial development of territories: global trends and regional priorities: Proceedings of the scientific and practical conference, Vologda, December 20, 2018. – Vologda, 2019. P. 55-66. (In Russ.)
4. Korkunov, N.M. The Encyclopedia of Law. Saint-Peterburg, 1883. 464p.(In Russ.)
5. Lenin V.L. *Polnoye sobraniye sochineniy*. Vol.31. Moscow, 1969.
6. Marks, K., Engel's, F. *Sochineniya*. Moscow. 1955. Vol.20. (In Russ.)
7. Medushevskiy, A.N. *Russkiy bonapartizm kak predmet sravnitel'nogo izucheniya*. Trudy Instituta rossiyskoy istorii, A.N. Sakharov (eds.), Moscow, 2004. № 4. P.118-181. (In Russ.)
8. Morris, Ch., Foundations of the Theory of Signs, *International Encyclopedia of Unified Science*, R. Carnap, Ch. Morris, and O. Neurath (eds.), Chicago: University of Chicago Press, 1938, Vol 1, No.2. P.1-59.
9. O'Donnell, G., Schmitter, Ph. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore, 1986. (In Russ.)
10. Pipes, R. Russian conservatism and its critics. Moscow, 2008. 250p. (In Russ.)

11. Preface to the 1st edition Constitutional State: Collection of articles 2nd edition. Gessen, I.V., Kamink, A.I. (eds.), Saint-Peterburg, 1905. P. I-VII. (In Russ.)
12. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 N 809 “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values.” Legal reference system "Consultant Plus": Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (accessed 01.12.2023) (In Russ.)
13. Shamshurin, V.I., Democracy. New philosophical encyclopedia. V.S. Stepin (eds.). Moscow, 2010. Vol.1. P. 619-620. (In Russ.)
14. Yasin, E. Will democracy take root in Russia? Moscow, 2005. P.384(In Russ.)
15. Arrow K. Social Choice and Individual values. Cowles Commission Monograph, New York, 1951. 124p.
16. Hale, Henry E. The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime. Europe-Asia Studies, 2011. Vol.63(8). P.1357-1375. Available at: <http://www.jstor.org/stable/41302158>. (accessed 01.12.2023).
17. Nozick R. The nature of rationality. New Jersey, 1993. 242p.
18. Vovin, A.A. Veche and the terms “All Pskov” and “Pskov Men”: The Russian Medieval City Assembly as a Communal Structure. In: Mesto a Dejiny. 2021. Vol.9(2), P.6-28. DOI 10.33542/CAH2020-2-01

"STRONG HAND" - WEAK PEOPLE? HISTORICAL AND SEMIOTIC ASPECTS OF THE PROBLEM OF POWER IN RUSSIA

**UKHOV
ARTEM**

*Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy and
History,
Vologda State Dairy Farming Academy named after. N.V.
Vereshchagin,
Vologda, Russian Federation, uae893@yandex.ru*

**KOVROV
EDUARD**

*Associate Professor of the Department of Philosophy and
History,
Vologda State Dairy Farming Academy named after. N.V.
Vereshchagin,
Vologda, Russian Federation, edkovrov@rambler.ru*

**MOROZOV
ROMAN**

*Advocate,
Bar Association of Kaliningrad,
Vologda, Russian Federation, mir-vologda@yandex.ru*

Keywords:

semiotics
state power
democracy
"strong hand"
constitutionalism
traditions

Summary:

This article focuses on the prevalent issue of the "strong hand" as a requirement for effective public administration in Russia. The purpose of this study is to conduct a semiotic analysis of this position with the aim to decode the ideological elements of the concept. By utilizing historical-comparative and retrospective methods, this study identifies two designations of the "strong hand" concept that align with the two possible paths for Russia's development: authoritarian-monarchical and democratic-veche. The first part of the analysis establishes basic denotations for the latter interpretation and refutes attempts to eliminate traditional democratic principles from the Russian model of governance by replacing them with authoritarian-monarchical concepts. Additionally, this study examines various approaches to the "strong hand" concept based on political ideologies such as democracy, communism, socialism, and absolutism. By exploring the elements of its denotation, this study correlates different interpretations of the concept with the norms outlined in the contemporary Russian legislation. Ultimately, this study concludes that the elementary denotations of the "strong hand" concept could lie within the true traditions of Russian constitutionalism and democracy, which are rooted in history. This understanding of the concept emphasizes the decentralization of power, rather than the concentration of power in a single individual, ensuring a legal balance and governmental accountability to society.